

«ТРОЦКИСТЫ»: ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАРС И САТИРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЕГО ВЫРАЖЕНИЯ В ПОВЕСТИ М.А. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА»

Владимир Викторович КОЛЧАНОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация: Проанализирована повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца». Рассмотрен ее сатирический вектор – тайный литературный фарс, направленный на Л.Д. Троцкого и его окружение. Определены композиция фарса, границы его встроенности в текст. Прослежены связи с дьяблерией, мистерией-буфф, политическим фарсом, разыгранным советской пропагандой по освещению «Московских процессов» над «троцкистами». В качестве литературных источников привлечены романы-фельетоны «Москва» А. Белого и «Остров Эрендорф» В.П. Катаева. Значительное место отведено игровым особенностям произведения, в частности, разновидности аллюзии – приему суггестивного маркирования. Предложена гипотеза атрибуции повести.

Ключевые слова: фарс; дьяблерия; аллюзия; гротеск; П. Шеффер; Л.Д. Троцкий; А.Л. Парвус; И.П. Колесов; Л.Г. Рабинович; Я.А. Яковлев

(Окончание. Начало в т. 4, № 13)

И был бы вычеркнут в ходе дальнейшего исправления и переработки повести саркастический вопрос: «А нельзя ли, чтобы вы репортеров расстреляли?» Но если бы этот вопрос был вычеркнут, то тогда и 2 явление II акта скрытого литературно-политического фарса «Троцкисты» не состоялось бы, да и получилось ли бы все произведение в целом – таким, каким мы его сегодня читаем? Давайте возьмем ту его часть, где ответ на «жмурный» вопрос решается положительно и с величайшим размахом. Обратимся к массовым сценам на улицах и площадях, объединенным в произведении под названием «Москва в июне 1928 года», в нашем случае – к III акту фарса. Здесь особенно следует учесть многоплановость жанра – все четыре его видовые составляющие во взаимной связи друг с другом: 1) средневековый фарс, дьяблерия, достигающая апогея в бесовском карнавале; 2) авангардный театр первой трети XX века с его разновидностью – футуристической мистерией-буфф (эта составляющая, маркированная по всему тексту повести, описана нами достаточно полно¹, поэтому здесь пред-

стоит добавить немногое); 3) журнально-газетный фарс, разыгранный советской пропагандой по освещению «процессов» над «троцкистами»; 4) авторский литературно-политический фарс в более узком смысле – направленный против всей партийной политики: вакханалий партийной прессы, индустриализации и колхозно-совхозного строительства, складывающегося литературного направления социалистического реализма – Ленинианы. Эта многоплановость и питает те аллюзийные ряды и ту полифонию, которые создают тайные «пружины искусства».

Думается, по своей предельной концентрации «невидимых» голосов и поливариативной насыщенности всех «непроницаемых сил Зла» [1, с. 44] массовые сцены повести, которые включены и в 6 главу, более всего напоминают поэму А.А. Блока «Двенадцать». Поэтому следует еще раз отметить: «Москва в июне 1928 года» представляет собой бесовской карнавал, апогей дьяблерии, когда открываются люки ада и возникают в великом многообразии маски бесов (в нашем случае советских журналистов, писателей и издателей и их «Антихриста» А.С. Рокка), разыгрывающих приход Антихриста.

¹ Колчанов В.В. Между мистерией и буфф: повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» в свете театральных модернистских жанров первой трети XX в. //

Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов, 2016. Вып. 2 (6). С. 53-65.

К таким маскам принадлежат в 6-й главе писатели Эрендорф, автор пьесы «Куриный дох», и Ленивцев, создатель «обозрения» «Курицыны дети». Ставя рядом эти два произведения и их сочинителей, М.А. Булгаков запутывал недалеких советских цензоров и читателей, создавал эффект сумбура, и цензор с читателем лишь скользили по тем фрагментам текста, где можно было бы остановиться и задуматься.

Так, в общем-то, происходило и позже, в конце советской истории. Например, один из исследователей творчества М.А. Булгакова В.Г. Боборыкин увидел в первой маске – «Эрендорге» – лишь И. Эренбурга [2, с. 56], потому что не учел всего игрового диссипативного поля, наполненного приемами суггестивного маркирования: в нем денотатом явился не собственно Эренбург-сочинитель, а роман-фельетон В. Катаева «Остров Эрендорф», где И. Эренбург был выведен в качестве одного из главных героев. М.А. Булгаков играл с сатириками-современниками, причем такими, которые работали в жанре романа-фельетона и наносили сатирические удары по Л.Д. Троцкому и его окружению.

Вторая маска – «Ленивцев» с его «обозрением» (модным в те годы сатирическим жанром) «Курицыны дети» – уже не содержала конкретных имен. Она в силу своей экзотичности (сумчатые животные «ленивцы») скрывала такие инвективные значения, о которых в советское время любому сатирику можно было серьезно споткнуться. Маска пародировала большое и до сих пор неучтенное количество писателей направления советской литературы – «Ленинианы», и пародия эта выглядит сегодня как необычный гомологический ряд в форме «троичной оппозиции» [3], используемой в лексикологии:

«Сукины дети» –
– «Курицыны дети» –
– «Кухаркины дети».

Ее нейтральный лексический член «Курицыны дети» с левой стороны представляет собой эвфемизм, заменяющий ругательство («Сукины дети») [4; т. 1, с. 1554, т. 4, с. 587], с правой – подчеркивает сущность представителей советской Ленинианы («Кухаркины дети»), коллективный автор которых – писатель Ленивцев (омофон: «Ленинцев»/«Ленивцев»)

распространял лозунг советской эпохи: «Мы и кухарку // каждую // выучим // управлять государством!» [5, с. 285]. Он был сочинен В.В. Маяковским в 1924 г., в год смерти В.И. Ленина, и явился перифразом слов вождя мирового пролетариата². Левая часть «Сукины дети»/«Курицыны дети», выполняя антиномичную функцию «троичной оппозиции», обозначает место нахождения во дворе, правая часть «Курицыны дети»/«Кухаркины дети» – место нахождения в доме.

На В.В. Маяковского и его перифраз о кухарке, управляющей государством, указывает также каламбурная надпись на электрической вывеске с фамилией Кухтермана:

² Ср. двойную аллюзию на изречение В.И. Ленина и перифраз В.В. Маяковского в «Мастере и Маргарите». Она просматривается в том, что последним человеком, которого герои оставляют в Москве, является кухарка: «Комната уже колыхалась в багровых столбах, и вместе с дымом выбежали через двери трое, поднялись по каменной лестнице вверх и оказались во дворе. Первое, что они увидели там, это сидящую на земле кухарку застройщика; возле нее валялись рассыпавшийся картофель и несколько пучков луку. Трое черных коней храпели у сарая, вздрагивали, взрывали фонтанами землю. Маргарита вскочила первая, за нею Азazelло, последним мастер. Кухарка, простонав, хотела поднять руку для крестного знамения, но Азazelло грозно закричал с седла:

– Отрежу руку! – Он свистнул, и кони, ломая ветви лип, взвились и вонзились в низкую черную тучу. Тотчас из окошечка подвала повалил дым. Снизу донесся слабый, жалкий крик кухарки:

– Горим!..

Кони уже неслись над крышами Москвы». (Цит. по: Булгаков М. Мастер и Маргарита // Булгаков М. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы / подг. текста, сост. и вступ. ст. М.О. Чудаковой. Мн.: Маст. лит., 1990. С. 632. В целом же вся метафорическая история о «кухарке» или ее «детях» может восходить к так называемому «циркуляру о кухаркиных детях» (официально – «Циркуляр о сокращении гимназического образования»). Документ был издан в 1887 г. и разослан по учебным заведениям Министерством народного просвещения: в нем «предлагалось воздерживаться от приема в гимназии «детей лакеев, кучеров, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей». М.А. Булгаковым сведения на ограничение обучения могли быть почерпнуты из романа Ф.К. Сологуба «Мелкий бес», в котором говорилось: «Есть циркуляр, чтоб всякой швали не пускать...» (Сологуб Ф.К. Мелкий бес: Роман / вступ. ст. В. Кельдыша; науч. подг. текста и коммент. М. Козьменко. Томск: Томское кн. изд-во, 1990. С. 296). Циркуляр, таким образом, выступает в роли сигнификата на «обозрение писателя Ленивцева «Курицыны дети».

«Театр покойного Всеволода Мейерхольда <...> выбросил движущуюся разных цветов электрическую вывеску, возвещавшую пьесу писателя Эрендорга «Курий дох» в постановке ученика Мейерхольда, заслуженного режиссера республики Кухтермана».

Нельзя отвергнуть и гипотезу, что «учеником Мейерхольда» и «заслуженным режиссером республики Кухтерманом» (Кухтерман – певец кухарок) мог стать не только В.В. Маяковский, но и Н.Р. Эрдман (маркирование по начальному/конечному слогам и букве: **Э**рендорг + **Кухтерман**), автор нашумевшего в свое время театрального фарса «Мандат» (1925). Пьеса была поставлена в том же году в Государственном театре им. Вс. Мейерхольда (ГосТиМе) и побила все рекорды: выдержала за год 100 представлений³. Главной героиней в пьесе явилась кухарка Настя (Анастасия Николаевна Пупкина), и она же должна была стать управительницей государства. Пусть и в сатирической форме, но именно кухарка оказывалась замешанной в заговоре по воскрешению престолонаследницы и возвращению должности императрицы Российской империи.

Поэтому неудивительно, что в повести среди «сукиных/курицыных/кухаркиных» «детей», намекая на их продажность, попадает много женщин легкого поведения:

«Рядом, в Аквариуме, переливаясь рекламными огнями и блестя полуобнаженным женским телом, в зелени эстрады, под гром аплодисментов, шло обозрение писателя Ленивцева «Курицыны дети».

Получается, М.А. Булгаков бил советскую Лениниану, что называется, «наповал», ее же собственным «пером», «приравненным к штыку»⁴ [6, с. 94]. И не только реконструи-

рованная нами «троичная оппозиция», уходящая в подсознательное народных масс, – сама действительность и социальная атмосфера 1930-х гг. помогала в этом. Фраза из повести, которую мы только что процитировали, маркировала не просто знаменитый номер московского мюзик-холла «30 английских гёрлс». Она перепрограммировала контекст. Недаром публикуемые тогда репортажи свидетельствовали о том, что большинство журналистов увидели в выступлении не «элегантный» хореографический пассаж, «своего рода эстрадную физкультуру», в которой «центр тяжести – в единообразном повторении одного и того же движения, напоминающем своей четкостью и механичностью движение машин», а «демонстрацию полуобнаженного тела»⁵ и эротический подтекст.

К бесовскому маскараду принадлежит и другой групповой портрет советских газетчиков, писателей и издателей. Злостная, ядовитая сатира содержится в такой аллюзии М.А. Булгакова: «А по Тверской, с фонариками по бокам морд, шли вереницею цирковые ослики, несли на себе сияющие плакаты: «В театре Корш возобновляется «Шантеклер» Ростана». Несмотря на то, что в советское время пьеса «Шантеклер» в театрах не ставилась и в типографиях не печаталась, была порядком подзабыта, – да и театр с таким названием был уже преобразован в другой, – она аллегорически пародировала символ, тотем нового красного строя – «певца зари» петуха, победившего окончательно другого петуха из драмы «Шантеклер» – под именем Белая Стрела и защитившего цыплят курятника от коршуна. Ослиная электрическая процессия, таким образом манифестирующая по Тверской – улице центральных советских издательств – под пером М.А. Булгакова превращала происходящий в стране переход от нэпа к коллективизации в чудовищный улично-площадной фарс, в мимирию, петушиный бой, потеху, красную смеховую панораму, праздничную демонстрацию-репрезентацию, дьяблерию. Животные, олицетворение низменных страстей, перевозящие богов и богинь древности, становились животными Шантеклера – агитпропа,

³ Мандат (пьеса). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 16.11.2017).

⁴ Любопытен адресат стихотворения В.В. Маяковского «Домой!» (1925), которому по плечу такая задача:

«Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро,
чтобы делал
доклады Сталин» [6].

⁵ Московский мюзик-холл. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 18.11.2017).

партиздата, – возвещавшего новый исторический эон и «мерещившееся зарево абсолютной власти».

Бесовской маскарад с ослиной процессией мерцает и в аллюзии на средневековую мистерию «Хождение на ослиати», которая сакрализовала власть в Древней Руси. Мистерия представляла собой грандиозную церемонию, посвященную церковному празднику Вербного воскресения («Входа Господнего в Иерусалим»). Смысл ее был скрыт в аллюзии: после Лазаревой субботы, воскресения Лазаря и возвращения его из ада, чтобы очистить город от всего адского, плотского, животного, языческого, патриарх (или архиерей в провинциальных городах) верхом на жеребце (символизирующем осла), ведомый под уздцы царем или воеводой, объезжал стены города, затем двигался к кремлю или управе по центральной улице, откуда всякое греховное в виде скоморохов изгонялось вон. Скоморохи, естественно, пародировали подобную процессию, изображая в скабрёзном виде воевод и священников.

В повести М.А. Булгакова это скоморошеское, скабрёзное, греховное живет и, что называется, дышит, но во враждебном, западном виде – театре «веселого жанра» мюзик-холле (до революции «варьете»), в чем мы убеждаемся на примере номера «30 английских гёрлс». На московский мюзик-холл намекают в повести еще две ресторанные проекции. Это сады-рестораны «Аквариум» и «Эрмитаж», которые вмещали его концерты. Думается, намек на мюзик-холл названиями ресторанов был сделан М.А. Булгаковым с глубоким расчетом, – показать, что действие отбрасывает свой отсвет на первый, самый кровавый год времени «Большого террора»: набирая год от года силу (начиная с 1923 г.), мюзик-холл неожиданно закрылся в обеих столицах в 1937 г.

Фарс М.А. Булгакова затрагивал и западноевропейскую средневековую мистерию (в частности, «большую дьяблерию»), перенесенную на российскую почву В.В. Маяковским под названием «Мистерия-буфф». Как и в средневековой мистерии, действие в «Роковых яйцах» выходило за рамки игровых площадок. Со сценических площадок городских ресторанов-садов с «цирковыми осликами» «с фонариками по бокам морд»

оно шло в массы, в буфф, в коллективную клоунскую работу парами на улицах и площадях. Торговцы Мюр и Мерилиз, куплетисты Шрамс и Карманчиков, поэты Ардо и Аргуев, режиссеры Мейерхольд и Кухтерман, писатели Эрендорг и Ленивец, клоуны Бим и Бом, ученые Персиков и Португалов, чиновники Птаха-Поросюк и Рабинович, – буффонные пары этой главы разыгрывали финал естественного яйца, конец жирного нэпманского времени, «пир во время чумы», «фейерверк в момент самоуничтожения» и приход «Антихриста».

Не менее аллегорично выступает в главе политический фарс, связанный с судебными процессами над «троцкистами» в 1920–1930-х гг. Приведем тот отрывок из главы, который маркирует судебные процессы двух первых советских пятилеток, направленных на разоблачение скрытой вредительской деятельности, причем не только в партаппарате, но и в отраслях народного хозяйства. Сюда входили представители интеллигенции, руководители сельского хозяйства, промышленности, медицины, – практически вся интеллектуальная элита. Символичным здесь оказывается все: и место пребывания подсудимых в годы «Большого террора» – московская тюрьма Лефортово⁶, напоминающая своим названием жестокую Петровскую эпоху, и звуки уличного советского радио – «рупора»-«шакала», отзывающиеся эхом горных ущелий с родины нового автора перестройки России, и искусство, потерявшее в подмене шакалом коней на крыше Большого театра свою вольницу:

«А над Большим театром гигантский рупор завывал:

– Антикуриные прививки в Лефортовском ветеринарном институте дали блестящие результаты. Количество куриных смертей за сегодняшнее число уменьшилось вдвое.

Затем рупор менял тембр, что-то рычало в нем, над театром вспыхивала и угасала зеленая струя, и рупор жаловался басом:

– Образована чрезвычайная комиссия по борьбе с куриной чумой в составе **наркомздрава, наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка**, профессоров Персикова и Португалова... и **товарища Рабинови-**

⁶ Лефортовская тюрьма. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 19.11.2017).

ча!.. Новые попытки интервенции!.. – хохотал и плакал как шакал, рупор, – в связи с куриной чумой! (выделено мною. – В. К.)».

Но ярче всего трагедия из-за экономических реформ и классового переустройства общества выражается в конкретных деталях, аллюзиях на исторических деятелей. Эти аллюзии в приведенном отрывке нагляднее начать рассматривать с конца: маркирование «процессов» над «врагами народа» и следственные «дела», которые якобы объединяли людей в «контрреволюционные организации» по занимаемым ими должностям и профессиям, писателю нужно было как можно виртуознее зашифровать, а чтение слева направо не способствовало этому.

Под первым, именованным маркером «Рабинович» скрывается горный инженер, Председатель промышленной секции Госплана СССР Л.Г. Рабинович (1860–1934). Ряд государственных преступлений, вменявшихся бывшему члену Второй Государственной думы и члену Конституционно-демократической партии, проходил в следственных мероприятиях под названием «Шахтинское дело» (1928) и «дело Промпартии» (1930). Арестованный в марте 1928 г., 5 июля 1928 г. он был приговорен к 6 годам тюремного заключения, которое так до конца и не отбыл в связи с сердечным приступом⁷.

Следующее историческое лицо («наркомзема, заведующего животноводством товарища Птахи-Поросюка») можно определить, если рассматривать маркеры во взаимной связи друг с другом. С первым маркером все просто: слово «наркомзем» указывает на наркомат «Народный комиссариат земледелия» (НКЗем), а вот второй маркер «Птаха-Поросюк» заставляет присмотреться к имени и фамилии того из наркомов, который имеет шаблон однофамильца-тезки, двойную или сменную фамилию. Таким требованиям удовлетворяет только один человек – Я.А. Яковлев (Эпштейн) (1896–1938), первый народный комиссар земледелия СССР (1929–1934), один из организаторов первой пятилетней перестройки народного хозяйства и, если так можно выразиться, колхозный проректор, проводивший в жизнь политику сплошной

коллективизации и массового переселения крестьян под названием «кулацкая ссылка».

Более точные координаты в нахождение искомого прототипа помогает внести сигнификат. Он перенаправляет действие маркера, и, захватывая дополнительное прочтение, обращает его в мистико-аллегорическое. В данном случае сигнификат указывает не на административную должность («заведующий животноводством товарищ Птаха-Поросюк»), а на крупную реформу сельского хозяйства в стране, проведенную народным комиссаром во вверенном ему ведомстве. Авторское указание на эту реформу помогает глубже зафиксировать прототип, так как именно она послужила одной из причин угрозы срыва пятилетнего плана и разверзшегося голода в стране; но в официальной версии прозвучала стандартно: проволочки, бюрократизм и шпионская деятельность. Суть ее состояла в том, что из Наркомзема 1 октября 1932 г. был выделен Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР (попросту говоря, проведена совхозная реформа!), а уже «В декабре – январе 1933 г. в этих наркоматах была выявлена вредительская контрреволюционная организация, проводившая шпионскую и вредительскую деятельность в сельском хозяйстве – так называемая группа Конара (заместитель наркома земледелия СССР) – Вольфа (заместитель наркома совхозов) – Коварского (заместитель председателя Тракторцентра) и др.»⁸. Поэтому чтобы сгладить эксцессы и крайне негативные последствия реформы, спрятать совхозную тему и ее неустойки в работе народного хозяйства страны, стрелки были переведены на вредительство, бюрократизм, проволочки и фантазии чиновников. На XVII съезде ВКП(б) (январь–февраль 1934 г.) Я. Рудзутак в отчете Центральной контрольной комиссии – Рабоче-крестьянской инспекции (ЦКК–РКИ) тему вообще закрыл шуточным вопросом, имеющим некоторое отношение к сюжету повести М.А. Булгакова: «Неужели Наркомзем выдумал какую-то новую породу овец, которая дает от 4 до 5 ягнят в течение года?»⁹.

⁸ Народный комиссариат земледелия СССР. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 19.11.2017).

⁹ Там же.

⁷ Рабинович, Лазарь Германович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 19.11.2017).

Реформа принесла в 1933 г. бед и смертей больше, чем в 1932 г. Только вина тогда легла не на главного исполнителя пятилетних рывков в светлое колхозное будущее, а на весь управленческий аппарат аграриев в целом. Все заместители народного комиссара земледелия и их помощники были расстреляны в марте 1933 г., как раз перед весенней посевной, во второй год массового голода в СССР (1932–1933 гг.). «Организованный» таким способом ужасной голод унес больше всего жизней в «житнице страны» – на Украине, там, где эксперимент, судя по Постановлениям Совета народных комиссаров (СНК СССР), проходил в первую очередь¹⁰.

Между тем сам «оборотень», руководитель НКЗема СССР Я.А. Яковлев, или Яковлев-Эпштейн (названный по-украински «Птаха-Поросюк»), пригревший под своими мягким крылом («Птаха») и жирным боком («Поросюк») многочисленный выводок несчастных реформаторов и прожектеров, упорхнул, чтобы, сменив ряд должностей в эшелонах власти, в завершающий год второй пятилетки самому попасться в силки и оказаться в переднем ряду «врагов народа». «Первые допросы Яковлева состоялись с 15 по 18 октября 1937 г., – говорится в документах, – и, что интересно, его (как и бывших заместителей и помощников) обвинили не в просчетах выполнения плана коллективизации и вызванного ею «голодомора», – его обвинили в связях с царской охранкой, близости к Троцкому, в многолетнем вредительстве и работе на немецкую разведку»¹¹.

Заслуживает внимания его новоиспеченный 1 октября 1932 г. партнер по сельскохозяйственному сектору экономики – глава Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР Т.А. Юркин (1898–1986), прославившийся до назначения на пост организацией знаменитого в 1928–

1930 гг. зерносовхоза «Гигант». Он не меньше Я.А. Яковлева претендует на право быть прототипом «Птахи-Поросюка». Т.А. Юркин дважды (1 октября 1932 – 4 апреля 1934 и 22 июля 1937 – 22 ноября 1938) занимал должность наркома Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов (Наркомсовхозов) и дважды уходил от ответственности, оставляя под расстрел своих заместителей и помощников. И, что еще интереснее, если вернуться в пласт мифологии, создал осенью 1932 г. в двух Главных управлениях (Главном управлении зерновых совхозов и Главном управлении животноводческих совхозов) вверенного ему наркомата по шесть отделов «согласно производственной направленности управлений» [7], ведь еще до него подобную реструктуризацию провел Я.А. Яковлев: 1 января 1932 г. НКЗем СССР «распался» на шесть «управлений и частей» [7]. Вполне вероятно, что писатель, богато использующий библейскую символику в своем творчестве, в частности цифру 666¹², глубоко закодировал ее в повести «Роковые яйца» – в парном маркере «наркомзема» и «заведующего животноводством Птахи-Поросюка». Новый гигантский монстр, страшнее библейского Молоха, пришедший из глубин титанического Тартара и мутировавший, с удвоенной энергией принялся пожирать человеческие жертвы.

Еще одной чудовищной чертой совхозной реформы явилось то, что «в составе животноводческих управлений» Наркомсовхозов «была образована ветеринарная группа, Политуправление» и наравне с ними создано «Управление учебными заведениями» («с подчинением ему вузов, техникумов и школ по особому списку Наркомсовхозов») [7], – явление небывалое в истории науки и образования на Руси. Становится понятным поэтому, что в выделенном фрагменте между «товарищем Птахой-Поросюком» и «товарищем Рабиновичем» оказываются университетские ученые-зоологи и по совместительству ветеринары – «профессора Персики и Португалов».

¹⁰ И позже, судя по Постановлению СНК СССР от 17.02.1938 № 180 «Об утверждении «Положения о Народном комиссариате зерновых и животноводческих совхозов Союза ССР», согласно которому стали вводиться новые формы руководства совхозами, «Главное управление зерновых совхозов Украины и Крыма» в списке других управлений значилось первым (См.: <http://sssr.regnews.org/doc/qq/9g.htm>).

¹¹ Яковлев, Яков Аркадьевич. URL: <http://deduhova.ru/statesman/yakov-arkadevich-yakovlev-epshtejn/> (дата обращения: 19.11.2017).

¹² В романе М.А. Булгакова «Белая гвардия» с таким символом связан Петлюра, сидящий в «камере № 666» // Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Голос, 1997. Т. 4. С. 91.

Любопытно также, что второй народный комиссар земледелия (1934–1937) М.А. Чернов (1891–1938) предопределил судьбу своего оборотистого предшественника. Его осудили и расстреляли по делу право-троцкистского блока раньше, с разницей в три месяца: приговор Я.А. Яковлеву привели в исполнение 29 июля 1938 г., М.А. Чернову – 15 марта 1938 г.

Мы не обратились бы к преемнику Я.А. Яковлева в ходе нашего литературоведческого расследования, если бы не один факт, связанный с литературным прототипом Пеленжковского в «Роковых яйцах» – П. Шеффером. Приведем этот факт в качестве фрагмента из работы М. Сейерса и А. Кана «Тайная война против Советской России» (раздел «Пауль Шеффер. История одного дела»); кроме того, он помогает найти крайнее время написания булгаковской повести:

«Михаил Чернов, участник антисоветского заговора, правый оппозиционер и бывший нарком земледелия Советского Союза, давал показания перед Военной коллегией Верховного суда СССР. Чернов сознался в том, что получал 4 тыс. рублей в месяц от германской военной разведки за передачу ей военных и экономических секретов России и за организацию вредительства в широких масштабах. Он назвал имя германского агента, под наблюдением которого им выполнялись первые шпионско-вредительские задания.

– Этим агентом, – сказал Чернов, – был Пауль Шеффер, корреспондент «Берлинер Тагеблатт» [8].

Пеленжковский, как видим, и здесь выпячивает, если воспользоваться фарсовой метафорой М.А. Булгакова, свою «гносную рожу», а маркер «какой-нибудь пустяк, 5000 рублей, например, задатку» уводит в политическую историю гораздо более позднюю, чем датировка повести или указанное в названии главы «Москва в июне 1928 года» время описываемых событий. Это весна 1938 г., время Третьего Московского процесса. Один из первых пунктов обвинений на этом процессе, между прочим, гласил (согласно выделенной нами фразе из приведенного выше фрагмента «Роковых яиц»: «Новые попытки интервенции!..»):

«Обвинение включало в себя классические пункты:

– составление заговорщицкой группы под названием «правотроцкистский блок», поставившей себе названные цели, а также восстановление капитализма и отторжение от СССР союзных республик и Приморья;

– связь с иностранными разведками, в частности, с немецко-фашистской (непосредственно или через Л.Д. Троцкого), **подготовка вооруженной агрессии против СССР**, получение помощи от иностранных правительств и антисоветской и троцкистской эмиграции;

– целенаправленное вредительство на производстве и в сельском хозяйстве;

– организация кулацких восстаний в тылу Красной Армии в случае будущей войны (выделено мною. – В. К.)» [9].

Недолго просуществовал на посту народного комиссара земледелия и второй преемник Я.А. Яковлева Р.И. Эйхе (1890–1940). Он был назначен наркомом 29 октября 1937 г., на следующий день после снятия с должности М.А. Чернова, а уже 29 апреля 1938 г. был арестован как «враг народа» и «фашистский» «шпион»¹³. Арест, заметим, произошел через месяц после расстрела М.А. Чернова и ровно за три месяца до расстрела Я.А. Яковлева. Над союзным наркоматом земледелия будто тяготело проклятие самой Матери-Земли. Помещение подследственного в тюрьму Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел (ГУГБ НКВД) «Лефортово», жестокие пытки в течение долгих месяцев, сопровождающиеся увечьем – потерей глаза, усиливали впечатление древнего титанического вмешательства.

Наконец, стоит взглянуть, кто скрывается за последним, если читать фрагмент с конца, маркером «наркомздрав», – ведь и профессора булгаковской повести Персикиов и Португалов, стоящие в середине отрывка и служившие по части сельскохозяйственного ведомства, имеют к медицине непосредственное отношение: они являются членами чрезвычайной комиссии, куда входят представители «наркомздрава»; к тому же профессору Персикиову «народный комиссар здравоохранения» в квартиру на Пречистенку звонит лично. Для этого последуем логике игры вообще – найдем связующее звено ме-

¹³ Эйхе, Роберт Индрикович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 19.11.2017).

жду двумя весьма разной специфики наркоматами – «наркомземом» и «наркомздравом», или, в шутку говоря, «наведем мосты» между восточной Персией и западной Португалией, а если серьезно – присмотримся внимательнее к политику, спрятанному за играми в ономастику. Он как бывший руководитель обоих ведомств («наркомзема» и «наркомздрава») не был зачислен в число участников «бухаринского блока», не представлял на допросах «Третьего Московского процесса» и был, что называется, «своим». Это Г.Н. Каминский (1895–1938). Находясь в 1928–1929 гг. на должности председателя Колхозцентра (Всероссийского союза сельскохозяйственных коллективов), Г.Н. Каминский, по сути, запускал (сменил его на этом посту в 1929 г. Я.А. Яковлев) процесс коллективизации, а, став народным комиссаром здравоохранения РСФСР (1934–1936), затем возглавил новообразованный наркомат здравоохранения СССР (1936–1937). Но именно этот «свой», любимец партии «Гриша Каминский», неожиданно «выбыл из доверия» партии, когда в докладе, произнесенном 25 июня 1937 г. на Пленуме Центрального комитета (ЦК) КПСС, высветил главное зло эпохи. В тот же день он был арестован, подвергнут допросам и пыткам и 10 февраля 1938 г. расстрелян.

Что же заставило И.В. Сталина моментально убрать из своего окружения эту заметную фигуру, еще недавно помогавшую уничтожать «врага народа», унаследовавшего после смерти В.И. Ленина пост председателя Совнаркома А.И. Рыкова? Не разоблачение же на Пленуме Л.П. Берии как «агента мусаватистской контрразведки»? – эта версия кажется сегодня натянутой из-за того, что должность Л.П. Берии на момент снятия с поста наркома Г.Н. Каминского была невелика, – он не был на тот момент главой НКВД, не был, что называется, еще в числе избранных, не был в свите И.В. Сталина. Моментальному аресту подвергла его ставшая ныне расхожей фраза, касающаяся деятельности аппарата НКВД: «Так мы перестреляем всю партию»¹⁴. Эта фраза, брошенная в зал, обозначила болезнь материнского центра «системы», а синдром болезни – мас-

совое уничтожение большевиков первого ленинского призыва, который констатировал главный врач и «главный санитарный инспектор СССР» и который не решались высказать другие члены ЦК, прозвучал как смертельный диагноз, как неожиданный выпад против внутренней политики И.В. Сталина и как приговор идее социализма.

Расстрел Г.Н. Каминского, судя по всему, ознаменовал новую волну репрессий в СССР под названием «Третий Московский процесс», в том числе начало фабрикования следственных дел в отношении бывших подчиненных и приятелей Г.Н. Каминского – трех высших работников медицинской сферы, обвинявшихся «в умышленной организации смерти А.М. Горького, его сына и В.В. Куйбышева»¹⁵: консультанта лечебно-санитарного управления Кремля Л.Г. Левина, директора НИИ функциональной диагностики и экспериментальной терапии наркомздрава СССР Д.Д. Плетнева и директора НИИ института обмена веществ и эндокринных расстройств наркомздрава СССР И.Н. Казакова.

Тотальный страх, нагнетаемый в обществе работой НКВД, даже при свете дня превращал жизнь в фантазмагорию, бред, кошмарный сон наяву. Само пространство и история уходили из-под ног людей, и М.А. Булгаков запечатлевал это соответствующим образом: сворачивал в повести хронотоп, показывая разверзающуюся бездну.

«Сожжение куриных трупов на Ходынке», – начиналась, «говорила и показывала Москва», «завывали» машины скорой помощи по вызовам «обожравшихся гнилыми яйцами». И завершалась Москва – библейским образом апокалипсического «коня бледного, и на нем всадника, которому имя смерть» (Откровение 6:8), – блестяще преображенным модернистским видением автора:

«В цирке бывшего Никитина, на приятно пахнущей навозом коричневой жирной арене мертвенно-бледный клоун Бом говорил распухшему в клетчатой водянке Биму:

– Я знаю, отчего ты такой печальный!

– Отциво? – пискливо спрашивал Бим.

– Ты зарыл яйца в землю, а милиция 15-го участка их нашла.

¹⁴ Каминский, Григорий Наумович. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.11.2017).

¹⁵ Дело врачей 1929–1953 гг. URL: <http://biofile.ru/his/29394.html> (дата обращения: 19.11.2017).

– Га-га-га-га, – смеялся цирк так, что в жилах стыла радостно и тоскливо кровь и под стареньким куполом веяли трапедии и паутина.

– А-ап! – пронзительно кричали клоуны, и кормленая белая лошадь выносила на себе чудной красоты женщину, на стройных ногах, в малиновом трико (выделено мною. – В. К.)».

В этой символической, небольшой цирковой сцене соединялось все: и окончательный уход старой декадентской культуры, и «дурная бесконечность» – бег России по кругу времени, – и неустойчивость положения, и обольстительный облик Смерти, и новый цвет времени – малиновый.

Выходя за рамки рассматриваемых глав, следует отметить, что с данного места эпитет «малиновый» использовался в повести столь часто (10 раз), что создается впечатление нарочитого его употребления. И это верно, если учесть, что приметой новой, «сталинской эпохи», стала новая униформа внутренних войск – милиции и НКВД: малиновые фуражки, звезды, шевроны и петлицы. Малиновый цвет маркировал не только форму НКВД (созданную в 1934 г.) и соответственно милицейскую реформу, но и сквозное действие повести, повести как «большой дьяблерии», большого средневекового фарса – самую страшную реальность, в которую погружалась Москва – новая, милицейская. Смысл ее, судя по этой цирковой сцене, был предельно аллегоричен: черное покрывало тайны со смерти сброшено (она в малиновом трико), все обнажено, лежит на поверхности, никуда не укроешься и ничего не укроешь, найдут и достанут хоть из-под земли, – в том числе и «зарытые в землю яйца». Недаром находит их именно милиция, причем «милиция из 15 участка», – намек, вполне ясный для осведомленных в магии и оккультизме: на 15-й карте в гадательной колоде Таро открывается Дьявол.

И действительно, при всей кажущейся искусственности выборки эпитета из дальнейших глав, в составе фраз и словосочетаний, рисуется хотя и абстрактная, но угадываемая картина сознания человека, поэтапно репрессированного органами НКВД: «малиновый ковер лестницы», где «становится плохо», «камеры, в которых, как в аду, мерцает малиновый, разбухший в стеклах луч», долгое сидение «на опрокинутых ящиках,

глядя, как в загадочном мерцающем свете созревали малиновые яйца», «густо-малиновое световое пятно», «малиновые рефлекторы», «малиновые башлыки», «малиновые шапки», «малиновый башлык», «военный с малиновым шевроном и звездой на левом рукаве».

Получается, что не случайно после цирковой сцены с «женщиной в малиновом трико» (Смерти) Персиков в маленькой, дополнительной подглавке этой главы впервые встречает персонажа из 13 главы Откровения Иоанна Богослова – «Антихриста Рокка» (по созвучию читай: РККА – представителя Рабоче-крестьянской Красной армии), вызванного из прошлого для того, чтобы «сатана был освобожден из темницы своей» и с «Гогом и Магогом» (агентами Государственного политического управления (ГПУ) Щукиным и Полайтисом)¹⁶ «обольщал народы, находящиеся на четырех углах земли <...> и собирал их на брань» (Откровение 20:7). Сам сатана, таким образом, – бог братоубийственной Гражданской войны возвращался, и спасителем от главного «врага народа» в последней главе повести объявлялся другой – «Морозный бог на машине». Запускалась, выражаясь языком историков, «репрессивная машина НКВД», наступал сталинский «ледниковый период».

Писателю не удалось пережить его. Но самая страшная эпоха малиновых шевронов и петлиц успела войти в энциклопедию, написанную на художественном языке суггестивного типа, под декадентским названием «Роковые яйца».

Игровая поэтика повести закодировала политическую историю страны, стилизовала общественное сознание и мышление, высветила абсцессы и гнойники нового государственного режима, и немаловажное значение сделала для этого драматическая форма фарса. Фарс М.А. Булгакова стал особенным, уникальным и одновременно универсальным фарсом. Он связал драматургию с прозой, фарс – в классическом его понимании – с его древними и современными модификациями, жизнь с цирком, историю с внутренней политикой и играми Кремля. «Кривое зеркало искусства» оказалось способным показать того,

¹⁶ Об этих агентах и их прототипах мы еще скажем в следующих номерах журнала, но пока нам важно связать эти образы с мифологической основой 6-й главы.

кого человек в 1920–1930 гг. боялся встретить пуше смерти – «врага народа», а значит, и собственного врага – древнего как мир ябедника и плута, шута и обезьяну – дьявола. В вечной игре бога и его обезьяны выигрывал в очередной раз, разумеется, бог, изгонялся шут, дьявол, а история катилась по той самой дороге, куда катилась «машина» «бога».

Список литературы

1. *Иванов Вяч.* Легион и соборность // Иванов Вяч. Родное и вселенское. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. С. 37-46.
2. *Боборыкин В.Г.* Михаил Булгаков: книга для учащихся старших классов. М.: Просвещение, 1991.
3. *Руделев В.Г.* Слово в лексической системе языка. Тамбов: ТГПИ, 1984.
4. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940. Т. 1, 4.
5. *Маяковский В.В.* Владимир Ильич Ленин // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Госиздат, 1957. Т. 6. С. 231-309.

6. *Маяковский В.В.* Домой! // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Госиздат, 1958. Т. 7. С. 92-95.
7. *Бражник М.В.* Становление и развитие системы органов государственного управления сельским хозяйством в РСФСР и в СССР в период 1917–1939 гг. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3425> (дата обращения: 22.10.2017).
8. *Сейерс М., Кан А.* Тайная война против Советской России. М.: Эксмо, 2011. 336 с.
9. *Буровский А.* Мифы и правда о 1937 годе. Контрреволюция Сталина. URL: <https://profilib.net/chtenie/121375/andrey-burovskiy-mify-i-pravda-o-1937-gode-kontrrevolyutsiya-stalina-41.php> (дата обращения: 19.11.2017).

Поступила в редакцию 10.12.2017 г.
Отрецензирована 15.01.2018 г.
Принята в печать 08.02.2018 г.

Информация об авторе

Колчанов Владимир Викторович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Для цитирования

Колчанов В.В. «Троцкисты»: литературно-политический фарс и сатирические средства его выражения в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Неофилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 60-71. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-60-71.

DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-60-71

**“TROTSKYISTS”: LITERATURE AND POLITICAL FARCE
AND SATIRICAL MEANS OF ITS EXPRESSION IN THE NOVELLA
BY M.A. BULGAKOV “THE FATAL EGGS”**

Vladimir Viktorovich KOLCHANOV

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The novel “The Fatal Eggs” by M.A. Bulgakov is analyzed. Its satirical vector is secret literature fact about L.D. Trotskiy and his surroundings. The composition of farce and its borders of embeddedness in the text are defined. The connections with diablerie, mystery bouffe, political farce, which was done by Soviet propaganda in order to show “Moscow Trials” towards “Trotskyists”, are found. As references we use roman feuilleton “Moscow” by A. Bely and “Erendorf Island” by V.P. Kataev. The main place is given to playing peculiarities of the work, particularly, varieties of allusion – suggestive marking device. We present the hypothesis of attribution of the novel.

Keywords: farce; diablerie; allusion; grotesque; P. Schaeffer; L.D. Trotsky; A.L. Parvus; I.P. Kolesov; L.G. Rabinowitz; Y.A. Yakovlev

References

1. Ivanov Vyach. Legion i sobornost' [Legion and Communal Spirit]. In: Ivanov Vyach. *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Global]. Moscow, G.A. Leman i S.I. Sakharov Publ., 1917, pp. 37-46. (In Russian).
2. Boborykin V.G. *Mikhail Bulgakov: kniga dlya uchashchikhsya starshikh klassov* [Mikhail Bulgakov: a Book for High Schoolers]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. (In Russian).
3. Rudelev V.G. *Slovo v leksicheskoy sisteme yazyka* [Word in the Lexical System of Language]. Tambov, Tambov State Pedagogical Institute Publ., 1984. (In Russian).
4. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Incorporation of State Book and Journal Publ., 1935–1940, vol. 1, 4. (In Russian).
5. Mayakovskiy V.V. Vladimir Ilich Lenin [Vladimir Ilyich Lenin]. In: Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Gosizdat Publ., 1957, vol. 6, pp. 231-309. (In Russian).
6. Mayakovskiy V.V. Domoy! [Back Home!]. In: Mayakovskiy V.V. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Works: in 13 vols.]. Moscow, Gosizdat Publ., 1958, vol. 7, pp. 92-95. (In Russian).
7. Brazhnik M.V. *Stanovlenie i razvitie sistemy organov gosudarstvennogo upravleniya sel'skim khozyaystvom v RSFSR i v SSSR v period 1917–1939 gg.* [Formation and Development of State Administration Bodies System of Agriculture of the RSFSR and the USSR during 1917–1939]. (In Russian). Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3425> (accessed 22.10.2017).
8. Seyers M., Kan A. *Taynaya vojna protiv Sovetskoy Rossii* [Secret War Against Soviet Russia]. Moscow, Eksmo Publ., 2011, 336 p. (In Russian).
9. Burovskiy A. *Mify i pravda o 1937 gode. Kontrrevolyutsiya Stalina* [Myths and truth about 1937. Stalin's counterrevolution]. (In Russian). Available at: <https://profilib.net/chtenie/121375/andrey-burovskiy-mify-i-pravda-o-1937-gode-kontrrevolyutsiya-stalina-41.php> (accessed 19.11.2017).

Received 10 December 2017

Reviewed 15 January 2018

Accepted for press 8 February 2018

Information about the author

Kolchanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

For citation

Kolchanov V.V. «Trotskyists»: literaturno-politicheskiy fars i satiricheskie sredstva ego vyrazheniya v povesti M.A. Bulgakova «Rokovye yaytsa» [“Trotskyists”: literature and political farce and satirical means of its expression in the novella by M.A. Bulgakov “The Fatal Eggs”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2018, vol. 4, no. 14, pp. 60-71. DOI: 10.20310/2587-6953-2018-4-14-60-71. (In Russian, Abstr. in Engl.).